

23 октября 1990 г.

Пока у нас базар, у них — уже рынок!

Пока наши парламенты (союзный и республиканский) меляются силами, выясняя, который из них более радикальный и полезный народу, пока обсуждаются «основные направления» и «пути перехода к рынку», пока идет честолюбивая борьба за право перерезать «рыночную ленточку» и войти в историю, — рынок в стране уже давно действует.

Четвертый год живет и развивается кооперативное движение, набирает силу фермерство, уже более двух лет работают новые банки и с боем пробивается аренда.

Это уже не тысячи, а миллионы людей, действительно втянутых в «перестройку», и ее необратимость для них — вопрос жизни.

Но мы хотим обратить внимание на другую сторону нарождающегося рынка.

В стране полным ходом идет создание государственных экономических структур, призванных осуществить перестройку бюрократических отношений собственности. В короткие сроки эта новая номенклатура рассчитывает не просто набить карманы или сделать карьеру, но также стать определяющей политической силой.

— Скоро будете за честь считать интервью со мной, — говорит корреспонденту «Известий» директор машиностроительного завода им. Калинина (Свердловск) А.Тизяков, он же председатель Ассоциации госпредприятий Свердловской области.

— Мы будем влиять на правительство и президента, — продолжает представитель экономики отнюдь не теневой, а легальной и поощряемой. (См.: Последний оплот директора // Известия. — 12 октября. — 1990.)

Внимательно прочтите эту статью А.Пашкова.

Разумеется, создаваемые «ордена промышленных меченосцев» будут искать (и найдут) свой политический эквивалент. Это естественно и нормально. Но среди кого? Я полагаю, что таковой у них уже, по сути, готов. Многие из них – бывшая комсомолия, верная идеям революции, а сегодня её с таким же успехом поносящая. А кроме того – местные городские и районные Советы, власть которым мы спешим передать. Учитывая то, что городские власти и дня не смогут прожить без финансовой и материальной помощи крупных предприятий, на балансе которых, собственно, и находятся города, можно предположить и образование идеальных смычек между промышленным комплексом (военно-промышленным?) и Советами.

И еще немного размышлений: конечно, даже самый популистский лидер, придя к власти, не может удержаться «наверху», опираясь только на толпу, социальная психология которой изменчива, как ветер мая. Он будет искать опору более мощную и реальную. Изменить соотношение сил в свою сторону он сможет, лишь опираясь на достаточно мощный и экономически выраженный слой. Выбирать в этом случае особенно не придется.

И Горбачева, и Ельцина, и кого угодно ожидает политический крах, если им не удастся в максимально короткие сроки создать новые экономические структуры и с их помощью нейтрализовать саботаж, блокаду и противодействие демократическим реформам. Либо (а альтернатива всегда есть) придется идти на поклон к структурам существующим, сохраняя власть, теряя сторонников из демократического лагеря, самому становясь выразителем интересов государственного монополизма.

Здесь уместно кратко остановиться на идее так называемого «правового государства», которая сама по себе прекрасна и вписывается в контекст общечеловеческих ценностей. Но только если речь идет об идее. В действительности же государство не может быть неправовым, ибо оно само есть институт для поддержания *норм права*, сложившихся в данной стране. *Право*, в свою очередь, есть отражение соотношения сил между различными слоями и социальными группами. И чтобы изменить существующие нормы права, надо изменить сложившиеся соотношения сил.

Эти изменения происходят не в результате митингов и демонстраций, а после перераспределения отношений собственности.

Только тогда *нормы права*, сложившиеся в результате изменения соотношения сил, смогут ограничить государство в произволе. Сделают его «правовым». Главный (и единственный) аргумент, могущий принудить государство к соблюдению им норм права, — гражданское общество, возможное только на базе общественного капитала.

Власть нельзя ВЗЯТЬ. Ее можно только ОРГАНИЗОВАТЬ.

Увы, склонность нашей интеллигенции (в отличие от технократов и прагматиков из административной системы) к либеральному толкованию реформ не позволяет оформиться действительно демократическому слою, способному гуманизировать переход к рыночным отношениям, не позволяет всерьез говорить о наличии сколько-нибудь сильного гражданского общества. Между тем тоталитарная система реанимирует и перестраивает себя более чем успешно, не встречая практически никакого сопротивления. («Перекачку» капитала она ведет не на палубе государственного корабля, а в его машинном отделении, куда, увы, не любят заглядывать «демократы».)

Вот нехитрая статистика, которую необходимо знать, чтобы представлять потоки и тенденции политэкономических процессов. По этим цифрам можно проследить, куда и как ведут «перекачку» государственных капиталов новые силы старой системы.

На август месяц сего года в стране существовало всего 356 новых коммерческих и кооперативных банков с уставным фондом 4 миллиарда 670 миллионов рублей. Из них кооперативных — 108 банков. Надо пояснить, что разница между кооперативными и коммерческими банками не только финансово-экономическая, но и социально-политическая. Коммерческие банки создавались по инициативе Промстройбанка СССР для обслуживания госпредприятий, и из их же средств формируется уставной фонд этих банков. Собственно, коммерческие банки надо рассматривать как неотъемлемый субъект и инструмент государственной собственности. Кооперативные же банки создаются на

базе альтернативной государству кооперативной собственности. Кооперативные банки — емкость общественного капитала, механизм по его обращению и воспроизводству.

Так вот: удельный вес уставного фонда кооперативных банков в системе новых банков — всего 115 млн. рублей, что составляет 2,48%.

Обратите внимание на лидеров, чей уставной фонд выше 100 млн. рублей.

Девять таких банков имеют уставной фонд 1 миллиард 705 миллионов рублей. Среди них даже близко нет ни одного кооперативного банка, если не считать, конечно, банк Центросоюза (303,6 миллионов рублей).

Приглядитесь: «Молодежно-комсомольский банк» (250 млн. руб.); «Автобанк» (250 млн. руб.); «АвтоВАЗбанк» (200 млн. руб.); «Нефтехимбанк (200 млн. руб.); ком. банк «Орбита» (160 млн. руб.); «Союзпрофбанк» (120 млн. руб.) (почему-то профсоюзы отстают от комсомола!); «Газпромбанк» (119 млн. руб.) и Коммерческий торговый банк (всего-то 102 млн. рублей).

Это киты новой рыночной экономики.

Далее идет, если так можно выразиться, вторая группа банков, с уставным фондом от 10 до 100 млн. рублей. Таких банков к августу насчитывалось 63, а их уставной фонд равнялся 1 миллиарду 762 миллионам рублей. Из них лишь один кооперативный банк — «Столичный», с уставным фондом в 20 млн. рублей, что составляет лишь 1, 14%.

Далее идут банки с уставным фондом от 1 до 10 млн. рублей. Таковых — 195, а их совокупный уставной фонд — 1 млрд. 103 млн. рублей. Из них кооперативных — 19 банков, с уставным фондом 36 млн. рублей. Удельный вес в процентах — 3, 26%.

И только затем идут банки кооперативные, демократические, альтернативные, назовите как угодно, с уставным фондом до одного миллиона рублей. В этой группе всего 89 банка, из которых кооперативных — 88. Но и здесь, если внимательно приглядеться к основным пайщикам, можно увидеть, что во многих банках госпредприятия контролируют ситуацию, имея решающий процент в уставном фонде.

Не отстает от этих свежееиспеченных нуворишей и партийная номенклатура. В рынок – так в рынок! Уже создан ряд партбанков, куда перекачали свое имущество аппаратчики. Ежедневник «Коммерсантъ» (№ 32, август 1990) сообщает об этом с призывом: «Храните деньги в партбанках! На одних процентах можно жить-поживать аж до второго пришествия коммунизма, а то и дольше».

В ленинградском коммерческом банке «Россия», например, крупнейшим пайщиком является Управление делами Ленинградской областной организации КПСС. (См. «Коммерсантъ» № 42, окт. 1990. – С.6.)

Опасность национализации партийного (аппаратного) имущества заставляет размышлять его хозяев и действовать диалектически. Оргтехнику, здания, автопарк и прочую недвижимость перекачивают в предусмотрительно созданные емкости: это и совместные предприятия, и различные ассоциации, фонды, и кооперативы и т.п. В этом случае решение местных демократов о национализации – акция чисто символическая, хотя для «демократов» и отрадная.

Послушайте только: «Переход к регулируемым рыночным отношениям, поддержка предпринимательства требуют ускоренного создания сети малых предприятий, способных активизировать структурную перестройку экономики, предоставить широкую свободу выбора и дополнительные рабочие места, обеспечить быструю окупаемость затрат, оперативно реагировать на изменение потребительского рынка».

Кто это? Может, экономист Шмелев? Нет же, это знаменитый четырехугольник – «обком», «совмин», «облсовпроф», «комсомол». Обеспокоенные судьбой предпринимательства, они решили создать Фонд поддержки малых предприятий в одной из союзных республик, еще вчера числившейся автономной, и «перекачать» в него несколько десятков миллионов рублей. А дальше все идет и вовсе по законам рынка. Учредители Фонда обязуются соблюдать положения учредительных документов; исполнять принятые на себя обязательства по отношению к Фонду;

оказывать правлению Фонда содействие в осуществлении им своей деятельности; не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности Фонда и т.д.

Диву даешься, ведь не устают повторять: «Не готовы к рынку!» Выходит, готовы, более того – уже давно там.

Этот процесс, на мой взгляд, не тривиальная мимикрия системы, а глобальный переход её в совершенно новое качество, к которому не грех внимательно присмотреться. Возможно, что этот процесс – завершение цикла, при котором государство в лице гигантских государственных корпораций и банков становится единственным законным и законченным собственником, не штыком, а экономически принуждающим своих подданных к выполнению своих, государственных, интересов.

Много лет велась борьба вокруг словосочетания «частная собственность». **Не вокруг собственности, а вокруг слов!** Нашли приемлемый компромисс – «приватизация», а вот собственность там же, у кого надо. Исполкомы (а механизмы власти у них) продают магазины в собственность... своей родной торговле, за счет которой и кормятся. Оформляются такие сделки в одночасье. Бросились предприимчивые люди приобретать в частную собственность магазины, а им: «Все давно уже продано!»

Мало того, в Нижнем Новгороде бьют тревогу: «Прекратить растаскивание государственной собственности!» Этим «растаскиванием», как сказано в решении, занимаются кооператоры. И местный городской Совет в срочном порядке принимает решение «Об упорядочении разгосударствления государственной собственности», чтобы, как сказано, «приватизация не шла стихийно (!!! – В.П.) и бессистемно». Этим решением местные власти приостановили действие ранее принятых Советом документов. И далее: «Одновременно облисполкому поручено принять меры к взысканию с виновных (виновны в том, что, воспользовавшись Законом, стали собственниками! – В.П.) сумм ущерба, нанесенного государству из-за неправомерного изъятия его собственности». (См.: А.Ершов // Известия. – 21 октября. – 1990.)

Удивительный документ: я выкупил за миллион рублей помещение, чем нанес «ущерб» государству, и за «ущерб» с меня еще и вычтут кругленькую, надо думать, сумму каких-то моих «долгов».

«Стихийная» приватизация не вписывается в рамки социалистического рынка. Этак и вы, читатель, вздумаете сдуру чего-нибудь купить, в то время как существует «порядок», точнее – «упорядочение» (продажа «своим»).

Экономист-марксист возражает: «Ну и прекрасно! Бытие определяет сознание. Обретая собственность, они, вчерашние паразиты, будут завтра предпринимателями, и главное для них – производство и сбыт товара. Философия собственника всесильна, она выправит горбатого. А кроме того, они будут вынуждены зарабатывать деньги, а не существовать за счет дотаций из городского бюджета».

Наивные люди.

Производство продукта и его реализация – дело последнее, если сохраняются прежние номенклатурные связи, в руках у которых городской бюджет, распределение госзаказа, механизмы ценообразования, заработная плата, социальные программы и прочее.

Ведут борьбу за «упорядочение» процесса приватизации и на родине В.И.Ленина, в Ульяновске. Там коллектив завода железобетонных изделий №1 дошел до того, что, в полном соответствии с принятыми постановлениями Совмина СССР от 25 января 1990 года, выкупил всё имущество завода и уже – как полновластный хозяин – решил вступить в концерн «Бутэк». Помощь в этой акции заводу оказывал Засвияжский районный Совет с председателем во главе, засвидетельствовав и узаконив акт купли-продажи предприятия в собственность коллективу, работающему на нем. Не тут-то было! Мощные региональные щупальца Министерства строительства СССР – «Ульяновскстрой» и объединение «Железобетон» немедленно отреагировали на это «беззаконие», направив во все инстанции суровые письма. В них, в частности, говорится: «Оформление выкупа и выдача Государственного акта купли-продажи произведены Засвияжским райфо

без участия вышестоящих органов управления (*то есть без них самих – В.П.*), в обход них и втайне от них». Жалоба возымела немедленное действие, и уже через день Ульяновский исполком принял решение 399 от 11.10.90 г. о приостановлении продажи имущества государственных предприятий.

Борьба между коллективом собственников и Засвияжским Советом с одной стороны и мощными государственными структурами с облисполкомом во главе с другой – продолжается.

* * *

Когда тоталитарное государство становится банкротом и не способно более обеспечивать существование не только своих подданных, но и воспроизводство свое собственное, оно не продает имущество «с молотка», а провозглашает некоторые экономические свободы, так называемый «экономический либерализм». Именно: арендные отношения, кооперацию, акционерные формы, индивидуальную трудовую деятельность и даже частные формы хозяйствования.

Цель этих вынужденных и хлопотных акций одна: используя эффективность личного и группового интересов, выкачивать максимальную долю из прибылей кооператоров, акционеров, арендаторов, так называемых собственников, с тем чтобы стабилизировать и продлить существование тоталитарной системы.

«Децентрализация власти» под лозунгом «Больше ответственности – на места!» провозглашает на деле «самостоятельность» фабрик, заводов, целых отраслей и регионов, но не людей и коллективов, живущих и работающих там. Это есть передача властных функций (но не самой власти) административному аппарату, дирекции этих производственных единиц. Создаются новые структуры, призванные осуществлять «выкачивание» средств за счет «повышения производительности труда» трудящимися. Последним повышается заработная плата (в виде ли ми-

фических акций или талонов на дефицит), но это все то же жалование, выплачиваемое рабочим за их соучастие в процессе бюрократического присвоения.

Эти новые структуры есть передаточные ремни, с помощью которых тоталитарное государство намеревается и впредь грабить своих подданных. Централизованная экономика не есть непременный атрибут тоталитаризма, таковой с успехом может сохраняться и при многоукладности, которая в этом случае превращается в многоукладное ограбление. (Слово не устарело, между прочим, как и сам грабеж.)

Используя сложную и неопределенную обстановку в стране, запутанность и непросвещенность людей, отчужденность и социальную апатию на селе, склонность интеллигенции к митинговой, уличной демократии, а парламентариев – к фетишизации законотворчества, финансово-производственная номенклатура (можно как угодно называть) умело разыгрывает карту «экономического либерализма».

* * *

Вышесказанное — лишь малая часть того процесса, который невиданными темпами происходит сегодня в стране.

«Все, что хорошо для “Дженерал моторс”, — хорошо для Соединенных Штатов!» — эта политическая доктрина не прошла в свое время в США, потому что имела сильного конкурента в лице мелкого предпринимательства, объединенного в гражданское общество с демократическими традициями и развитостью провинций. Именно эти факторы позволили среднему американцу со всей серьезностью заявить президенту Гардингу: «Если крупный бизнес не перестанет вершить делами правительства, Вам придется испытать большие неприятности от народа Америки». (История США, Т.3. – М.: 1985. С.26.)

У нас, в стране с историческим приматом Центра, при отсутствии сильного среднего слоя и демократических традиций, при отсутствии гражданского общества — такая доктрина может

восторжествовать. Она может явить миру еще один образчик социального устройства, на который мы так горазды.

В этом случае из тисков сталинизма, где человек – раб тоталитарного государства и его собственность, он может попасть в положение не менее жестокое, когда до него никому (и прежде всего государству) нет дела.

Приведенное в начале заявление руководителя Ассоциации промышленных предприятий Тизякова корреспонденту «Известий» не случайно, и это не симптом завышенной самооценки. На Всесоюзном собрании руководителей государственных предприятий, проходившем в Кремлевском Дворце съездов (!), суровые директора после резкой и беспрецедентной критики предъявили президенту настоящий ультиматум. Директор Таллинского электротехнического завода И.Шепелевич заявил: «Вам, Михаил Сергеевич, надо определиться, к кому Вы обратитесь в трудную минуту – к коммунистам-руководителям или кому-то другому».

На этом же собрании был предложен проект обращения к органам власти, в котором, в частности, говорится: «Предупреждаем, что в случае дальнейшего ухудшения положения в стране, бессилия власти и ее беспомощности мы (*администрация?* – *В.П.*) начнем брать проблемы экономического регулирования в свои (*директорские?* – *В.П.*) руки. Возможно, нам (*директорам?* – *В.П.*) станут мешать (*рабочее самоуправление?* – *В.П.*)... И вот тогда мы обратимся к рабочим коллективам страны, которые еще не сказали своего слова, ко всем гражданам с призывом: «Отечество в опасности!» (См.: Демченко И. Дисциплина, рынок и ультиматумы // Известия. – 7 декабря. – 1990.)

Ультиматум стреляных воробьев военно-промышленного комплекса – это не голодовка студентов. Администрации предприятий (особенно промышленных предприятий) имеют реальную власть над своими рабочими коллективами. Эта власть – в системе жизнеобеспечения своих рабочих и служащих. Все необходимое для жизни человека – от зарплаты и премиальных до квартиры и детских садов – создается и распределяется на пред-

приятных. Теперь же к этому добавляется дефицит продовольственный и промтоварный. (На КамАЗе, например, существуют талоны, по которым может отовариваться исключительно член трудового коллектива объединения. Реальным импортным порткам кто же предпочтет многолетнюю болтовню о свободе? Кстати, надо еще и знать, что это такое – «свобода».)

То, что заявление промышленников не пустые угрозы, проявилось в Свердловске уже спустя несколько дней после встречи директоров с президентом СССР. В столице «опорного края державы» могущественной группировке ВПК удалось заблокировать предполагаемое повышение розничных цен на продукты питания, за которое высказался один из руководителей облисполкома.

Цены, понятно, устанавливаются рынком (черным ли или каким другим), и рост цен сегодня очевидный и, пожалуй, необратимый процесс. И действия городских властей – освободить цены, с тем чтобы увеличить возможность появления продуктов на прилавках. Однако развивший бурную активность президент Ассоциации госпредприятий СССР Тизяков поспел и здесь. Он даже предложил снять с работы заместителя председателя облисполкома.

Борьба директоров за интересы рабочего класса сопровождалась естественными для такого случая «обращениями трудовых коллективов», которые, как подчеркивает корреспондент «Известий», слово в слово повторялись: «Мы протестуем против превращения области в полигон для новых испытаний, а нас – в заложников экономического эксперимента». (См.: Тарасов А. Какими будут цены? // Известия. – 28 декабря. – 1990.)

Где выход? Какая общественная сила в состоянии противостоять этому процессу?

Казалось бы, антимонопольной политикой должны заниматься парламенты всех уровней, а прежде всего – союзный парламент. Это направление, наряду с формированием бюджета, должно занимать главенствующее положение в его работе. (Про-

следите, однако, сколько времени было посвящено этому на многомесячных заседаниях парламентов и чему посвящена деятельность антимонопольных комиссий!) Наверное, это и забота профсоюзов как института защиты прав трудящихся от работодателя. Кажется, что этой проблеме должны уделять неослабевающее внимание все те возникающие партии и политические группы, которые претендуют называться (и называют себя!) «демократическими». Сюда же следует добавить нашу «демократическую» интеллигенцию: ученых, прессу, работников культуры.

Всякий раз, говоря о своей приверженности общечеловеческим ценностям, надо помнить, что одно из величайших достижений нашего века – это победа в цивилизованных странах (окончательная ли?) интересов среднего человека над интересами крупного капитала. Эта победа, кстати, не в последнюю очередь (а может, и в первую) стала возможной благодаря Октябрьской революции и тому общемировому резонансу, который она вызвала. Поэтому те общественные силы, которые претендуют на роль выразителя интересов среднего человека и выступают за гражданское общество, должны декларировать во всех своих документах и политических программах антимонопольный акцент без тени сомнения и без боязни быть занесенными в лагерь антирыночников.

Опасения последствий резкого введения рынка в стране не всегда продиктованы шкурническим желанием сохранить свое паразитарное существование. Например, некоторые писатели-деревенщики, занесенные в консерваторы и даже в идеологи «Памяти», чувствуют по-своему пульс страны и ее народа и по-своему страдают за него. Эти опасения нужно разделять с ними.

Искусство, кстати, в антимонопольной борьбе может сыграть выдающуюся роль. Достаточно вспомнить маленького героя великого Чаплина. Он, маленький и беззащитный средний американец, взывал к помощи и таки ее добился.

Но и парламенты, и действия демократов, и политических партий, и интеллигенции могут быть эффективными в антимонопольной политике лишь при наличии в стране обстоятельств более почвенных и значительных.

Главное и решающее условие в антимонопольной борьбе – это человек-гражданин, наделенный всеми правами самостоятельного экономического и юридического субъекта, являющийся свободным производителем (предпринимателем), имеющий право (и возможность!) *экономического* и *политического* выбора и опирающийся на свой индивидуальный капитал. (Можно назвать это «частной собственностью», но *индивидуальный капитал* — это нечто большее.) Сумма индивидуальных капиталов в их переплетении и взаимосвязи составляет **общественный капитал и основу гражданского общества**.

Выход, таким образом, в безоговорочном развитии малого предпринимательства, как частного, так и коллективного, в устранении всех препятствий на пути его развития. Кооперация, малые предприятия, небольшие частные фирмы, индивидуальная трудовая деятельность, фермерство — все это, наряду с развитием сети кооперативных банков и с умеренной налоговой политикой правительства именно для этого сектора экономики, – позволит развиваться в короткие сроки слою мелких предпринимателей, которые в союзе с интеллигенцией смогут составить действительно демократический слой, призванный гуманизировать и демократизировать *и з н у т р и* нарождающийся рынок.

Создание новых общественных политэкономических структур с самыми различными фондами, с механизмами социальной защиты, с союзами и ассоциациями свободных производителей, свободных граждан, с обязательным подключением своих политических сил – от оформленных партий, претендующих на звание «демократических», до депутатских групп всех уровней – только это сможет обеспечить приоритет прав человека над интересами государственными. Это также гарант стабильности в стране и вместе с тем — **основа нарождающейся демократии**.

«Демократическая Россия», 5, 1991г.